

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Можеговой Анастасии Анатольевны «Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертационное исследование А.А. Можеговой представляет собой оригинальное исследование актуальной, сложной и многогранной уголовно-правовой проблемы; его основные положения подтверждаются результатами проведенных автором исследований, обладают ценным качеством научной новизны и вносят свой вклад в развитие юридической науки и практики.

Актуальность диссертации, посвященной вопросам толкования и применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, связанные с проявлением экстремизма, не вызывает сомнений. Она определяется комплексом факторов социально-политического, правового, науковедческого характера.

Экстремизм в последнее время приобретает черты значимой угрозы, без преувеличения, не только собственно криминологической, но и шире – национальной безопасности страны. Он ставит под угрозу интересы конкретных граждан, социальное спокойствие и порядок внутри отдельно взятого общества, а также мирное сосуществование государств и благополучие человечества в целом. Во многом представляя собой реакцию на сложнейшие экономические, социальные и политические трансформации мирового сообщества на рубеже XX – XXI веков, порой оправдываемый стремлением людей защитить привычный уклад жизни от глобальных потрясений и закономерным поиском внешнего или внутреннего «врага» в

качестве причины слома традиций, современный экстремизм, по своей природе не способный к решению этих задач, сам превратился в мощный фактор социальных потрясений. Чувство самосохранения и ответственности за будущее заставляет государства искать оптимальные пути и методы профилактики, сдерживания, контроля экстремистских течений и практик, преследования наиболее опасных форм проявления экстремизма, определения стратегии и тактики минимизации социальных противоречий без использования радикальной риторики.

Важное место в ряду таких средств принадлежит мерам уголовно-правового характера. Их разработка и применение сопряжены с целым рядом проблем теоретического и практического свойства. Речь идет не только о сложностях доказывания и расследования соответствующих преступлений, определения оптимальной меры уголовной ответственности. Речь идет, прежде всего, о разработке модели криминализации экстремизма, поиске конституционно приемлемой конструкции, которая бы позволяла согласовать права человека на свободу слова и мнений, свободу совести, шествий и демонстраций и т.д. со столь же значимыми правами на безопасность, мирное существование и социальное развитие. Необходимо, кроме того, вписать экстремистские проявления в относительно жесткий каркас, заданный самим Уголовным кодексом, в частности, принципами вины, ответственности за конкретное деяние, справедливости, законности и правовой определенности запрета и т.д.

Решение этих вопросов, столь необходимое на этапе принятия уголовно-политических решений о криминализации экстремизма, не заканчивается с момента включения той или иной статьи в уголовный закон. Напротив, введение к УК РФ соответствующих норм призвано стимулировать и уголовно-правовые дискуссии, и разработку научно-методических рекомендаций по правоприменению, и постоянный мониторинг эффективности уголовно-правового запрета. Нельзя сказать, что наша наука равнодушна к проблемам борьбы с экстремизмом. На эту тему

выполнен не один десяток более или менее значимых исследований, защищено несколько диссертаций, в том числе и докторских, опубликован ряд интересных книг и статей. Между тем, социальный заказ на разработку проблематики экстремизма этим не удовлетворен в полной мере. Текущая социально-политическая ситуация и правоприменительная практика постоянно предъявляют новые требования к научному обоснованию уголовно-правового противодействия экстремизму, кроме того, остается недостаточно исследованным и ряд вопросов, доставшихся «в наследство» от первоначального этапа криминализации экстремизма, включая вопрос об определении базовых понятий темы – «экстремизм», «преступления экстремистской направленности» и др. Все это оправдывает обращение А.А. Можеговой к заявленной теме, позволяет считать ее выбор обоснованным и актуальным, тем более что автору удалось весьма удачно определить предметные рамки своего исследования и так организовать его проведение, что полученные результаты не только не повторяют известных в науке суждений, но и восполняют ряд пробелов научного знания, задают новое направление дискуссий.

Новыми, заслуживающими внимания научной общественности, полагаю возможным признать результаты исследования, согласно которым:

- доказано соотношение экстремизма и экстремисткой деятельности, представлены аргументы в пользу тезиса о невозможности криминализации собственно экстремизма (с. 21, 23, 25),

- выявлено уголовно-правовое значение классификации экстремисткой деятельности на преступную и не преступную (с. 30, 31),

- разработана классификация преступлений, выступающих проявлением экстремизма, исходя из содержания объекта посягательства и роли мотива (с. 33, 34),

- проведено разграничение политического мотива и мотива политической ненависти или вражды (с. 37),

- аргументирован тезис об исключении из закона субъективного признака «вражды в отношении социальной группы» (с. 66),

- установлены негативные последствия законодательного «совмещения» экстремистского и хулиганского мотивов в составе хулиганства (с. 80, 82),

- обоснована потребность в ограничительном толковании термина «экстремистская деятельность» для целей квалификации публичных призывов к ее осуществлению (с. 99, 102, 106 и др.),

- установлена необходимость ограничения сферы применения статьи 280¹ УК РФ (с. 110, 111).,

- обоснован оригинальный взгляд на соотношение экстремистских и террористических преступлений (с. 142).

Эти и другие положения диссертационного исследования А.А. Можеговой могут расцениваться как результат вдумчивого, глубокого анализа сложной уголовно-правовой материи, итог взвешенной и ответственной оценки комплекса источников первичной научной информации и адекватного применения проверенных методов их обработки.

В диссертации нашло отражение уверенное владение автором:

- формально-логическим методом при толковании и критической оценке положений отечественного уголовного и предупредительного законодательства в части организации противодействия экстремизму;

- методом системного анализа в процессе познания структурированного комплекса взаимодействующих уголовно-правовых норм о противодействии экстремизму и его внешних связей с иным отечественным законодательством и нормами международного права;

- сравнительно-правовым методом при сопоставлении норм отечественного уголовного права с некоторыми зарубежными аналогами антиэкстремистских норм;

- историческим методом в части установления основных направлений генезиса исследуемых норм и их генетического толкования, включая анализ официальных документов, сопровождающих законотворческий процесс;

- методом исследования документов при проведении обобщения материалов более 80 уголовных дел о преступлениях, образующих экстремизм и терроризм.

Репрезентативность эмпирического материала, соблюдение методологических принципов и методических требований к проведению социально-правовых исследований, внутренняя непротиворечивость представленных в диссертации суждений, согласие теоретических выводов автора с эмпирическими данными документального и социологического анализа, базирование авторских рассуждений на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук (философии, общей теории права и государства, конституционного права и др.), согласованность новых результатов работы с иными независимыми источниками по теме диссертации, - все это свидетельствует о достоверности и обоснованности сформулированных в диссертации А.А. Можеговой положений, выводов и рекомендаций, их высоком качестве.

Сказанным определяется значение результатов исследования для отечественной правовой науки и правоприменительной практики.

Свой вклад в развитие уголовно-правовой науки вносят сформулированные автором понятия преступлений экстремистской направленности и экстремистских преступлений, аргументированная классификация последних, установленное исследованием соотношение терроризма и экстремизма, результаты исторического, догматического, телеологического толкования признаков ряда составов преступлений, выступающих проявлением экстремизма, введенная в оборот информация, отражающая основные проблемы и устоявшиеся подходы к квалификации исследуемых преступлений в правоприменительной практике.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования подтвержденных эмпирическим материалом рекомендаций по применению уголовного закона в судебно-следственной практике, перспективах внедрения обоснованных суждений о направлениях совершенствования уголовного закона в правотворческую деятельность органов законодательной власти, целесообразности использования результатов диссертации в учебном процессе, а также в процессе повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и суда.

Признавая качество и результативность диссертационного исследования А.А. Можеговой, разделяя его концепцию и основные положения, тем не менее, представляется возможным обратить внимание на некоторые дискуссионные или недостаточно аргументированные суждения диссертанта.

1. Разделяя позицию автора о тех, зачастую неразрешимых проблемах, которые вызывает наличие в описании экстремистского мотива положений о ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы, не могу в полной мере поддержать предложенный вариант их решения, состоящий в исключении соответствующих предписаний из текста УК РФ. С одной стороны, этот радикальный шаг разрешает все возможные проблемы. С другой стороны, вряд ли можно однозначно согласиться с тем, что понятие социальной группы для целей борьбы с экстремизмом можно ограничить известными закону идеологической, политической, религиозной, расовой и национальной группами. При таком подходе остается не в полной мере гарантированным установленный в Конституции РФ принцип защиты человека от дискриминации по любым, каким бы то ни было основаниям. Полагаю, что задача исследователей состоит как раз в том, чтобы оптимальным образом описать основания возможной дискриминации. Здесь следует не только соблюсти ряд ограничений, предложенных в том числе и соискателем, но также обеспечить максимально полный охват уголовным законом всех потенциально возможных и опасных проявлений экстремизма.

В этой связи сложно согласиться с соискателем, например, в том, что нетерпимость в отношении лиц иной сексуальной ориентации не может быть охарактеризована в качестве экстремизма (с. 72). Соответствующая группа людей составляет вполне определенное, легко диагностируемое сообщество, обладающее всеми чертами социальной группы. То же, пожалуй, можно сказать и о лицах, относящихся к одной профессиональной группе: военнослужащие, полицейские и пр. (с. 60). А.А. Можегова пишет, что такие посягательства не обладают «повышенной общественной опасностью, необходимой для преступлений экстремистской направленности». Однако, во-первых, остается не ясным и не исследованным вопрос о соотношении опасности «обычных» и «экстремистских» преступлений, почему последние обладают «повышенной» опасностью; а во-вторых, не понятно, по каким признакам профессиональным и некоторым иным группам отказано в статусе социальной. Полагаю, что «повышенная» опасность в данном случае состоит в наличии самого мотива ненависти в отношении группы, не в отношении какого-либо отдельного лица, а в отношении неопределенного круга лиц – мотива, который можно рассматривать в качестве взведенного спускового крючка, готового сработать в любой момент, в отношении любого, кто обнаружит признаки принадлежности к группе. В итоге могу заключить, что авторское предложение об изъятии принадлежности к социальной группе из числа признаков экстремистской дискриминации выглядит недостаточно убедительным.

2. Не могу в полной мере согласиться с позицией диссертанта в части определения ею объекта преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ и, вероятно, всех иных экстремистских преступлений (с. 95). А.А. Можегова соглашается с позицией профессора И.М. Тяжковой, считающей объектом отношения, обеспечивающие защиту от действий экстремистского характера. Но это крайне широкий и оттого не достаточно определенный подход. Отношения, обеспечивающие защиту, во-первых, включают и уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с фактом совершения

экстремистского преступления; во-вторых, эти отношения имеют комплексный характер и их содержание различается порой весьма существенно. Наконец, такой подход, по большому счету, есть определение «по кругу», он не раскрывает социальной направленности экстремистских посягательств, не выявляет их сути, и как следствие, препятствует в адекватной оценке их общественной опасности.

3. Не могу в полной мере поддержать авторские рассуждения относительно природы экстремистского сообщества (с. 131-132). А.А. Можегова стремится в обязательном порядке соотнести признаки этого образования либо с организованной группой, либо с преступным сообществом. В итоге приходит к выводу о необходимости указания на эти группы непосредственно в тексте ч. 1 ст. 282¹ УК РФ. Но такой подход представляется малопродуктивным, а его реализация к тому же еще больше затруднит правоприменительную практику.

4. Не могу не обратить внимание на то обстоятельство, что при изучении столь важной и сложной темы, какой является экстремизм, автор оставил вне поля зрения некоторые важные аспекты ее анализа. Провозглашая целью диссертации исследование проблем уголовно-правового регулирования ответственности за экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности, А.А. Можегова, тем не менее, уделила недостаточно внимания конституционным основам такого регулирования, а также правовым позициям Европейского Суда по правам человека (сформулированным, в частности, в связи с делом «Касымахунов и Сайбаталов против Российской Федерации», постановление от 14.03.2013 г. по жалобам № 26261/05 и 26377/06).

Высказанные замечания не колеблют в целом высокой положительной оценки рецензируемой работы и не снижают ее качества. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация А.А. Можеговой написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

2. Диссертация А.А. Можеговой представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение важной социально-правовой проблемы. Диссертация соответствует критериям, установленным ч. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

3. Автор диссертации – Анастасия Анатольевна Можегова – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12 мая 2015 года

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,

профессор кафедры уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор (117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая д. 69 «а», каб. 1006, тел.: 8-495-332-51-92, e-mail: 1108197@list.ru)

ПОДПИСЬ
ЗАВЕРЯЮ
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОД

Ю.Е.
Михайлов